Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Сочинение. Часть 1

Пролог.

Я поступил в ПЕД (Педагогический университет). Меня уже давно привлекла журналистика, но вот конкурс… Я по нему не прошел, и пришлось срочно искать подходящий вариант замены. Учитель русского языка и литературы — вот как звучала выбранная второпях специальность. В группе я был словно белая ворона. Множество разных девушек и я. Не знаю почему, но вот с особями противоположного пола мои дела никак не складывались, хотя, что проще? Почти как в частушке: «… восемь девок один я!».

Как и все мои друзья, в своём кругу я бахвалился «победами на любовном фронте», хотя настоящие успехи на этом поприще были ничтожны… В действительности — никакие! Всего пару раз я пощупал грудки своей «подруги» сквозь тоненькую водолазку, да один раз провёл рукой, по ягодице, прикрытой трусиками залезшей ей под юбку. Хотя и этого было довольно для того чтобы у меня встал! Причем наказание в обоих случаях было скорым! Я получил по рукам, и «отлучение от тела»…

Так что этакая взрывчатая смесь: девственник — с огромным желанием исправить этот недостаток; и подпольный онанист, проводящий время в интернете за просмотром взрослых сайтов яростно дрочащий на увиденное.

— 1-.

Каждый год в школе учительница по литературе и русскому языку Мария Семёновна заставляла нас писать сочинение с дурацким названием «Как я провёл лето». И этот сентябрь не явился исключением. Правда, теперь задание исходило от старшего преподавателя кафедры русского языка, Елены Ивановны, что не меняло сути. Это на втором курсе института! Буквально в первый учебный день нам было объявлено, что «величайшим соизволением» к следующей паре мы должны в литературной форме предоставить ей «сочинение-отчет» на вышеуказанную тему. И, как и в прошлом году, она почему-то смотрела только на меня. Девушки из группы заулыбались, похоже, зубоскаля, а я твердым взглядом оценил, словно в первый раз увиденную фигуру преподавательницы и она мне понравилась.

— Нет, конечно, до тети Кати ей далеко, однако… — решил я, — в постели она должна быть хороша…

И вот вернувшись, домой я взял чистую тетрадь и, открыв её на первой странице, написал:»Как я провёл лето«. Поставил жирную точку и задумался. Перед глазами промелькнули события лета, и я не задумываясь, почти машинально начал писать:

***

«Перестук колёс и мелькание расплывчатых полос за окном поезда убаюкивали. Я впал, в какую-то прострацию. Думать не хотелось. Хотелось выть от бессилия и тоски. Я ехал в гости… В гости к сестре матери на целых два месяца. Причём самое интересное, что про её наличие я узнал не далее как неделю назад…

***

Всё произошло не вдруг. И виноват в этом был я сам. Как сказала мама — связался с дурной компанией и вот теперь вместо отдыха с друзьями в городе, «ссылка — как у Пушкина в деревню»! Всё это решилось буквально в несколько дней. Только неделю назад, сдав сессию, я

строил планы на лето в хорошо знакомом городе со своими друзьями, и вот я уже еду в поезде в самое сердце нашей великой Родины — Сибирь к родственникам в какую-то глухомань...

— На исправление! — сказала мама.

— Тебе стоит обдумать своё поведении в тишине и покое... — заявил отец.

Утешает только одно. Я еду сам, один. Без провожатых. Так получилось, что я ещё ни разу не ездил далеко один, разве что в летний лагерь отдыха, но это явно не то! Изначально в «ссылку» меня должна была сопровождать мать, но как водится, что-то случилось на работе, и она не смогла поехать. Отец тоже был занят и посовещавшийся меня решили, отправить самостоятельно. Это была моя первая одиночная поездка на поезде да ещё в такую даль. Если изменить причины, побудившие меня оказаться в этом составе, я был бы вне себя от восторга... А так... двигался как унылые декабристы в далёком веке, правда, со всеми удобствами. В дорогу мама собрала огромную сумку провизии и рюкзак с моими вещами.

А ещё она расплакалась на перроне, и я от стыда не знал, куда девать глаза. Моя поездка должна была продлиться около трех суток. Проводницы были, раз десять оповещены о том, что меня встретят, а самого словно малявку проинструктировали, чтобы не хулиганил и вел себя хорошо. Двое суток уже прошли. Сегодня около семи вечера я должен был прибыть на какой-то полустанок, где и остановка проводилась только по требованию (моему требованию!) и там должна была состояться первая встреча с маминой сестрой...

***

Итак, я прибыл. Меня встретила женщина очень похожая на маму, только лет на десять моложе.

— Ой! А как же ты на отца похож! — было первое, что я услышал, — такой же стройный и привлекательный, — как мне показалось с тоской, произнесла она.

Я был расцелован, посажен в машину, которая оказалась довольно старым Уазиком. Их ещё называют «таблетками». Почему, точно не знаю. Возможно потому, что их раньше использовали в качестве машин скорой помощи. Кстати она и оказалась санитарной машиной, а мамина сестра, тетя Катя — врачом. Она сама села за руль, а я устроился рядом, и мы двинулись в путь. Старенькая машина бодро глотала километры, а я всё отвечал и отвечал на вопросы задаваемые тёткой. Не сказать, что это было шоссе но, по крайней мере, почти всю дорогу мы ехали по асфальту, и только в самом конце, когда проехали небольшую, домов в двадцать деревушку пошла грунтовка. Тётя Катя сообщила, что они с дочерью, которая младше меня на полгода живут в бывшем лесничестве. Там большой дом, есть сараи, где как я понял, содержится живность, большой, и даже слишком, как я вынес из описания огород и, конечно же, баня.

— Ты любишь баню? — поинтересовалась она, не переставая свой бесконечный монолог, почти не интересуясь ответами.

Живность и огород... для меня и Лены, так звали неожиданно объявившуюся у меня двоюродную сестру. И его придется обихаживать вдвоем, так как она (тётка) целыми днями в разъездах — лечит больных.

— Но места здесь... — прямо задохнулась от гордости тетя Катя. — Такие красивые... — объехав выбоину она продолжила. — Не далеко есть речка, в которой полно рыба. Рядом лес. Вернее тайга! Море кедров и елок, в котором уйма грибов и ягод, но и легко заблудиться. Ну и конечно полно всякого зверья: лоси, лисицы, волки и даже рыси с медведями.

Я, молча, слушал, представляя, как мне придется туго. А про зверей решил, что это так

пугают...
***
Приехали уже в сумерках. Нас встретила высокая, но какая-то не складная девушка. Лена представилась она мне, окинув внимательным взглядом. Я назвался в ответ так же пробежался по её фигуре.
***
Однажды давно распираемый любопытством и детской непосредственностью я спросил у мамы:
— А почему у одних тётенек титьки большие, как у тебя, а у других маленькие?
Она сильно смутилась и начала мне объяснять про какие-то гены, их влияния на формирование тела и прочую чепуху. Из всего сказанного я вынес только одно:
— В нашей семье эти самые гены «очень большого» размера и поэтому у всех женщин нашей фамилии большие груди.
— А чем титьки отличаются от грудей? — подумав, задал я следующий интересующий меня вопрос.
— Это одно и то же, просто разные названия, но правильнее всё же будет называть их грудями...
Я ещё пытался задать несколько провокационных вопросов, которые мусолились во дворе друзьями, но покрасневшая мама словно отрезала:
— Когда пойдёшь в школу, там тебе все объяснят...
На этом «урок» сексуального воспитания был закончен, и я, получив мелочь на мороженное, побежал к друзьям во двор.
***
Многое забылось, но вот этот разговор, почему то застрял в памяти, и, видя большие и крупные формы у любых женщин, я всегда вспоминаю про «большие» гены...
Так вот — у тети Кати груди были очень большие!они не просто обрисовывались, а выпячивали футболку, надетую на ней, и ещё активно колыхались при движениях. Мои сокурсницы из универа не могли похвастаться таким «богатством», хотя поголовно носили лифчики. На Лене лифчика точно не было, и я с интересом наблюдал за движениями оттопыривающейся спортивной майки. И с трудом отвел свой взгляд, когда почувствовал, как встал мой член. Это было понятным: Я был в том возрасте, когда «дурные» гормоны «бурлят» в теле и «рвутся на волю». Был не прочь «поиграть в ручной биллиард»: рассматривая фотографии обнаженных красоток в ноуте; смотря очередной порнобесселлер; или просто свободно фантазируя на тему «а как бы я, засадил»... Да и неделя выдалась «тяжелая». У меня в течение трех дней не было возможности «сбросить напряжение и избавится от переизбытка молодой и обильной спермы»!
Сейчас мои яйца были полны и только от одного вида скрывающихся за майкой сестрёнки дынек они заныли, напоминая о себе. Хорошо, что дело было в сумерках. Так что моей «ненормальной», но вполне предсказуемой реакции на родственницу ни кто не заметил. А впереди была ночь и вот там-то в постели я смогу «отыграть свою сольную партию»!
Мы сели ужинать. Я, помня увиденную спутниковую антенну на стене дома, решил узнать, как тут обстоит дело с досугом и есть ли интернет. С собой я привез старенький ноутбук, раньше принадлежавший маме, и на нем было «упрятано» пара гигабайтов фотографий вышеуказанных пышнотелых и большегрудых красоток и с десяток «взрослых» фильмов,

втихую скачанных с интернета. Тетя Катя со зловещей улыбкой, как мне показалось, сообщила: интернет не работает около месяца; а спутниковое телевидение в этой глуши из-за какой-то аномалии показывает через раз!

— И то! С «пятого на десятое»! — добавила она, — да и зачем тебе телевизор? Здесь лес, река, работа на свежем воздухе... Отдыхай и радуйся...

— Угу... — обреченно пробубнил я, понимая, что ссылка постепенно превращается в каторгу!

— И кстати, — «подлила масла в огонь» сестрёнка, — сотовые здесь, увы, не ловят, а стационарный телефон постоянно ломается...

— ... — мне пришлось наклониться над тарелкой, что бы скрыть «скупую мужскую слезу, неожиданно набухшую в глазу»...

* * *

Утомленный дорогой и кучей «дурных» новостей я не сразу уснул. Да к тому же оторвался, играя с членом и вспоминая, как аппетитно перекатывались и шевелились груди, грудками их мог назвать только балбес, моей новообретенной сестры. Мучился пытаясь представить, как это выглядит без одежды... Полученный обильный «результат» я без всякой задней мысли вымазал о край простыни и заправил его под матрац.

* * *

Утром проснулся поздно. Хотя и в полусне раннего утра слышал, как мне показалось навороченный будильник прямо таки по-настоящему кукарекавшим побудку. С трудом продрав глаза, спустился с мансарды, куда меня определили на проживание. В доме было тихо и пусто. Вспомнив о том, где находится туалет я медленно пошёл в ту сторону. Лена перехватила меня, уже на выходе из оного.

Надо вам сказать, что, несмотря на то, что это дом сельской глубинки, проблем с бытовыми неудобствами здесь не было. Индивидуальное водяное отопление, горячая и холодная вода в кранах и соответственно теплый туалет со стоящим там итальянским унитазом и биде. Конечно же, душ с ванной. Про канализацию и так понятно!

— Что-то ты долго спишь, братец! — проворчала она, — я уже и грядки полили, и птицу покормила...

— Три часа разницы во времени и устал с дороги, — стал оправдываться я.

А потом увидел, во что она одета... Коротенький топ из-под нижнего среза, которого были видны упругие полушария грудей. Тоненькие обтягивающие ягодицы суперкороткие мягкие шортики, плотно облегающие и рельефно обрисовывающие её пухлые прелести. А сбоку из-под них на бедре выбивалась прядка кучерявых тёмных волосиков. Конечно, я видел на своих фотографиях и не такое, но вот вживую... И, разумеется, у меня сразу же встал!

Хотел бы я сказать, что тут же привлёк её к себе, поцеловал, и мы бросились в комнату заниматься любовью... Но всё было не так! Моё лицо зарделось, и я в смущении пытался повернуться к ней боком, чтобы не показывать, готовый вырваться из-под резинки эрегированный орган. Она или сделала вид, что не увидела мой конфуз или правда не заметила но, развернувшись спиной, произнесла:

— Пошли. Покормлю тебя... — и быстро двинулась в сторону кухни.

Переведя дух, сердце билось, молотом я с трудом выдавил:

— Сейчас только оденусь...

— А умываться не будешь? — последовал язвительный ответ.

— Умоюсь и оденусь... — промямлил я и шмыгнул в соседнюю дверь — ванную комнату.

Сегодня явно был не мой день! Хотя в ванной меня ждал очередной сюрприз... На крючке, криво прибитом к стене, висел большой кружевной лифчик, а на корзине с грязным бельём лежали скомканные девичьи трусики. Включив воду и беспрестанно оглядываясь на дверь и прислушиваясь, я двумя пальчиками поднял этот столь притягательный для меня предмет одежды и, растянув его руками, стал рассматривать. Простые хлопчатобумажные трусики, на белом фоне разбросаны разноцветные горошины разной величины и ещё от них пахло! Чем-то непонятным, но приятным и возбуждающим. Мой член не смог вынести такого зрелища и уже внаглую оттопырив резинку трусов, вылез наружу. Послышался какой-то шум и я, зажав, сей кусочек материи в кулаке, резко развернулся к раковине, делая вид что умываюсь. Трусики «жгли» мою руку, а в голове крутилось, черти знает что!

— Надо запереть дверь! — вдруг пришло мне на ум.

Я повернулся, вознамериваясь закрыть дверь на шпингалет, но там ни чего подобного не было?! Растеряно я огляделся и подумал:

— А как же они, моются... не закрываясь? — и тут же возник простой ответ, — да ведь они вдвоем, без мужчин живут!

Потянув на себя дверь, я попробовал её просто закрыть, но либо мешал перекошенный порог или сама дверь разбухла, но она с тихим скрипом отходила назад, оставляя приличную щель. Раздался звук шагов и я, отбросив в сторону трусики, бросился к раковине и стал умываться. Через несколько секунд дверь открылась. На пороге «нарисовалась» сестренка и быстро осмотрев ванную, подозрительно спросила:

— Что ты тут так долго возишься? Я уже и сама есть хочу.

Я обернулся и увидел, как её взгляд уткнулся в брошенные на пол трусики. Моё лицо залила горячая, красная волна. Не поднимая глаз Лена, сделала шаг, молча, зашла и убрала трусики в корзину с бельём.

— Извращенец! — выдавила она из себя и, повернувшись, вышла вон.

— Да я просто... — канул мой ответ в пустоту, — случайно задел и они упали... наверное...

* * *

Завтракали мы молча. Попытки объясниться ни к чему не привели. Лена демонстративно со мной не общалась. Плюнув на всё, я отдал должное завтраку.

Когда мы убирали и мыли посуду со стола, я предпринял ещё один шаг:

— Что у нас дальше? Будем навоз из стойла выгребать или гусей пасти? — проявил я «знание» сельской жизни.

— Ну и дурак, ты! — прыснула сестренка, — кто же их пасёт? Они сами, куда и когда надо ходят. К вечеру задать корма и всё. Грядки и теплицы я уже полила. Так что могу показать тебе окрестности...

— Пойдём пешком? — уточнил я.

— Можно на великах или мотороллер взять...

Глаза у меня загорелись.

— Ты уже на мотороллере ездишь?

— Лет с десяти... Тут везде далеко, так что приходится, — серьёзно сообщила она.

— Давай на мотороллере поедем, — чуть ли не упрашивая, произнёс я.

— Ладно, — подумав, решила она.

— Мне за руль можно будет сесть? — уже представляя себя несущимся по дороге, попросил я.

— А ты умеешь? — последовал быстрый вопрос.

— Ну… — потянул я.
— Значит, нет! — отрезала Лена.
* * *
Наше транспортное средство оказалось видавшим виды грузовым мотороллером «Муравей» с железными бортами. Хотя было видно, что содержится он в хороших руках. Лена одела поверх топика джинсовую куртку и заставила одеться меня. Я отнекивался, но она настояла, посмеиваясь про себя. В рундук расположенный вдоль переднего борта она положила охотничье ружьё и патронташ. На моём лице поднялась в вопросе бровь, и я озвучил его:
— А это зачем?
— Весной волки баловали… На всякий случай. Это тайга!
— Выпендривается, — решил я про себя, но посмотрев на её лицо, не увидел ни чего кроме сосредоточенности. Такой вид бывает у человека, когда он из раза в раз повторяет нужную, но наскучившую ему операцию. — Ты серьёзно? — переспросил я.
— … — она просто кивнула, и я поверил. — Это тайга… — повторила Лена тихо.
* * *
Остаток дня мы провели в разъездах. Съездили в деревню за хлебом и молоком. Потом поехали к речке и наконец, прогулялись по тайге.
— Лес, как лес, — решил я, — только деревья большие и другие.
Вода в реке была холодная, но вполне терпимая и я хотел искупаться. Но у меня не было с собой ни плавок, ни полотенца. Так что купание было перенесено на другой день. Самое приятное из всего произошедшего днём было сидеть позади неё, прижимаясь к горячему и упругому молодому телу. Мне приходилось обнимать её за талию, а иногда и выше при преодолении препятствий. Пару раз мои руки хватались за её мягкие груди, и я млел от восторга и желания… Мой член весь день был на взводе и когда, приехав мне, удалось уединиться. Я, с удовольствием вспоминая тепло и ощущения девичьего тела, бухнулся в постель и дрочил, дрочил, дрочил… А затем погрузился в глубокий сон. Мне снилось как я и Лена на речке занимаемся любовью!
* * *
Проснулся и встал я выжатый как лимон, только когда уже приехала тётя Катя. Лена вовсю возилась с ужином, и я как мог, стал «мешать» ей в этом деле. Тётка зашла усталая и пыльная. Она села на стул, тяжело привалившись к спинке, и первое что произнесла:
— Господи! Да как же я устала… Сейчас бы в баньке попарится!
Так как от меня в кухне, не было ни какой пользы, я предложил:
— Давайте я ей протоплю!
— А ты сможешь? Городской же…
— А у нас в саду есть баня. И её топлю я! — с гордостью оповестил её я.
— Ну, давай… Хоть какой-то прок. Дрова за баней. Вода уже залита…
Проверив наличие зажигалки, я выскочил из дома. Баня оказалась большой. Три помещения: раздевалка, моечная и парилка; да ещё застекленная веранда, на которой находился стол несколько разнокалиберных стульев и электрический чайник с сопутствующими предметами. И во всех помещениях были окна. Не очень большие, но забранные простым, а не рифлёным стеклом как у нас в саду.
Печь топилась со стороны раздевалки. Я принес дрова, растопил печь, и стал присматривать за огонь, вглядываясь в него. Огонь притягивал, мне нравилось смотреть на пламя. Это

занятие затягивало. Через полчаса, с трудом оторвавшись от огненной феерии, я уже не рискнул войти в мойку, так там стало жарко. Что творилось в парилке, я и вообразить не мог.
Уже собирался идти «с докладом» в дом, когда на пороге появились женщины. Они обе были в тонких халатиках и принесли полотенца.
— Ты любишь погорячее или как? — обратилась ко мне тетушка.
Не слушая её, я во все глаза смотрел на то, что выпячивалось у неё из разреза халатика. Тяжело сглотнув ставшую вязкой слюну, и с трудом оторвавшись от её безразмерных грудей туго обтянутых тонкой тканью, да ещё и выглядывающих из глубокого выреза, откашлявшись, произнёс:
— Нет, я не люблю горячую баню. Мойтесь, а потом уж и я.
— Тогда через полчаса сходи, пожалуйста, в дом и принеси из холодильника пиво...
— Мама! — строго глянула на мать дочь, — ты опять?
— Да пару бутылочек... — словно испугавшись ее, промямлила тетка. — После баньки, — и заискивающе глянула на дочь.
— Ладно... уж, — со вздохом согласилась Лена, косо глянув на меня, и вслед за теткой проходя в раздевалку.
— Угу... — соглашающее кивнул я, ничего не поняв из их переглядываний.
Я вышел на улицу и с наслаждением вздохнул, прохладный свежий воздух. Буквально через несколько секунд из двери раздевалки выглянула голова Лены.
— Принеси через пару минут, когда мы зайдём в мойку ещё дров. Эти почти прогорели, — и исчезла за дверью.
— ... — оставалось мне только кивнуть.
Выйдя на улицу, я стал набирать колотые поленья и не сказать, что случайно оказался около окна и осторожно заглянул в него. То, что я увидел, взбудоражило меня сверх меры. Тётя Катя, сидя на корточках ко мне спиной набирала в большой таз воду. Её округлые и мягкие ягодицы были отведены назад и в неярком свете лампочки я смог разглядеть густую черную поросль промежности и две свешивающиеся книзу толстые складочки половых губ перед волосиками лобка. Объёмистые груди свисали вниз, как пара больших доек покачиваясь при движении. Почти сразу же к ней подошла Лена и я, наконец, увидел её прелести. Приличные, для её возраста груди торчали в разные стороны. Розовато-коричневые соски с небольшую горошину «разбегались» в разные стороны. Плоский животик, полноватые бедра и веселый треугольник темных кудряшек на лобке. Я так и стоял, смотря на эти «живые картинки» если бы тётка не начала вставать, поднимая наполненный водой таз. Сообразив что, повернувшись, она увидит меня я «мухой» дунул в сторону, утаскивая захваченные дрова. Сказать, что у меня встал, это погрешить против истины. Мой «дорогой друг» так раздулся и засвербел, что мне стало больно.
— Да... Картинки это хорошо! Но вот живая обнаженная женщина, пусть даже в бане — это совсем другое! — подумал я, гладя возбужденное донельзя «своё второе я».
С трудом доковыляв до раздевалки, тихо свалил в угол дрова. Забросив в топку пару полешек, огляделся. Оказывается, дамы разделись ещё в доме! Сюда они пришли в одних халатиках, правда в углу были небрежно сложены две одинаковой расцветки ночных сорочки. Одна побольше, явно тёти Кати, друга совсем коротенькая — Ленина.
— Дорого бы я дал, что бы присутствовать при облачении в них после бани, — проскользнула мысль, — а еще, если спинку потереть... — размечтался я. — А ведь трусиков нигде не

наблюдается! — пришло мне на ум.

Выскочив на улицу, я привалился к углу бани, где меня не было видно. Судорожно сдернув до колен штаны с трусами, начал яростно дрочить, пока меня не скрутило, а из головки не брызнула хиленькая струйка спермы. После поездки на мотороллере я изрядно «попользовал её запасы»! С трудом отдышавшись, и прокручивая в голове увиденное, тяжело натянул штаны и пошёл в дом за пивом. По дороге заглянул в ванну. Ну конечно все их интимные предметы туалета были небрежно брошены на корзину с грязным бельём. Ещё раз, тяжело вздохнув, поплелся в кухню.

***

Я откинулся на спинку стула и с удивлением уставился на тетрадь, почти исписанную моим кривым почерком.

— Надо же, сколько листов исписал! — подумал я, — а ведь до главного так и не дошёл!

Вернувшись к началу тетради, стал перечитывать. После прочитанных двух листов подумал, а потом и произнёс вслух:

— За такое сочинение — меня точно из универа выгонят, а родичи «убьют»! — и стал читать дальше, смакуя воспоминания.

Пока я читал, рука непроизвольно нырнула между ног и прижалась к восставшей до дрожи в мышцах плоти. Прочитав до конца, задумался, а рука сама стала выводить новые буквы. Я словно списывал текст из памяти не в силах прекратить это бесполезное действие. Слова складывались в предложения, а те гладко ложились на бумагу. И я — писал, писал, писал...

— Для кого пишу? — возник у голове вопрос. Сдавать его преподавательнице точно не буду